

Александр Мильштейн. Фрагмент главы «Царство U» повести «Тиновицкий»

...дас Хаус дер Кунст (ХдК), например, сейчас почти полностью заполнен железом.

Там лежит на полу и самая большая отливка (непромышленная) в истории человечества, весом в 28, что ли, тонн (по имени "DJED"), а завтра там будут показывать шестичасовой фильм, который до этого показали в оперном театре.

И вот всё это, весь гезамткунстверк "The River of Fundament" – является, по словам Барни, "эманациями романа Нормана Мейлера Вечера в древности".

Я скачал себе роман, но после, условно говоря, сотой страницы, понял, что читать дальше не буду. Но я это я, что я... а вот что меня удивило – так это интервью Барни журналу "Monopol", где он признался, что тоже не прочитал роман.

Тут почитал, – сказал он, смеясь, – и там немножко... Но всю книгу я не читал, нет.

Зато он её замуровал многократно, она там и в таком разрезе и в сяком, под стеклом и в кубах плексигласа. Я проболел вернисаж, грипповал потом ещё две недели, потом узнал, что Барни каждый день сидел в баре, в котором я нередко сижу в другое время, но неважно, не знаю, что бы я у него спросил... Я, стало быть, бродил по выставке, среди всех этих внутренностей автомобилей, многожды перелитых Мэтью Барни из пустого в порожнее, со

следами электролитов, в качестве которых он использовал собственную мочу в том числе... хотя фильм был в основном фекальный: выпрыгивающий из унитаза turd и т. д.

Реки разбавленного водой кала, которым фараон велел удобрять свои поля посредством "Shaduf" (один из экспонатов выставки, цельномедный), чтобы таким образом проникнуть в тело своих подданных, чтобы они стали в свою очередь, или он стал... их частью, ну да.

Я бродил среди саркофагов из разных материалов и взятых под стекло и самих ставших саркофагами книг, не только Мейлера, но и Хэмингуэя почему-то. Инсталляция даже не поместилась в ХдК, известный своим простором, в котором, как вы помните, стояли те самые исполинские фигуры "пламенной речи". А в этот раз здание пришлось слегка удлинить в сторону Ледяного ручья (Айсбаха) с помощью временной пристройки.

Много рисунков, нацарапанных на меди и на бронзе, или начёрканных графитом и покрытых вазелином.

Рисунки мне показались забавными, что касается внутренностей Авто-Мененхетета, или "металлических душ Мейлера", как угодно, но всё это навеяло на меня тоску.

...и если б там не делали детей, то пастор бы крестил автомобили", и всё в таком духе.

На стенах самого большого зала ХдК по периметру оставлена чёрная слегка дрожащая черта – след от "перформанса, который совершил здесь Мэтью Барни 13 марта сего года вместе с атлетками клуба "Мюнхенские Ковбойские Леди".

Я хотел сказать: Барни занимался этим проектом восемь лет, не меньше... Но роман так и не прочёл, тем не менее. Что уже говорить о других визуальных людях... не говоря уже об одном таком... новоиспечённом – о Тиновицком?

Впрочем, о нём мы всё-таки ещё поговорим, давайте только мы перенесём его куда-нибудь из этого его замкнутого круга подземного царства, куда он сам себя загнал, где он ездит с консервной банкой в руке, иногда держа... но так нельзя говорить, наверно... Держа – это же река, это приток реки... Волги... Тогда уж лучше Немышлянка... Изар течёт под землёй частично... Подземные Афины на Изаре... Троя-тройка... Нас несёт, вы слышите этот звук... стук колёс, он такой же, как на ЖД в Атлантиде, если поезд старый – в Мюнхене... если новый – сплошной, без разделения на вагоны, то звук не такой, он тогда больше похож на тот, что слышишь в самолёте при взлёте или посадке, так что, если это линии S8 или S1 (обе ведут в аэропорт), считай, что ты ещё в полёте, гость Города с Сердцем...

Временами звук больше похож на шум чайника, вода в котором только начинает вскипать.

Но так или иначе, а перестука колёс на стыках теперь почти не слышно, вместо него тихий шорох, как будто ветра в кронах... Так вот, он ездит с книгой на коленях, наш старожил, но... знаете, как шпионы в старых фильмах газету – держит её там для проформы, для прикрытия... хотя книга ничего не прикрывает, кроме колен... частично... ну да, голодранец делает вид... ему кажется, что так он выглядит солиднее – с одной рукой на открытой книге,

да... положив её туда, как на библию, как будто клянётся, что вот это вот он допьёт и завяжет!.. железно!.. и делает глоток бурды... Впрочем, иногда прочитывает строчку-две...

Тиновицкий отрывает глаза от книги и видит серое небо... где? Он вдруг вспоминает слово: "Лойташ", и что это уже Австрия.

Только на этот раз он попал туда не так, как в прошлый – на машине заядлых лыжников, а облыжно, т. е. допился до того, что заехал туда прямо сквозь Jack-Daniel's-Höhle.

Это такая пещера в Австрии, на данный момент длиной 11 км, но это столько, сколько удалось пройти до сих пор, а сколько там ещё впереди, неизвестно.

Названа в честь открывших её в 2003 году польских спелеологов Jacek "Jack" Wiśniowski & Daniel Oleksy.

Вот до каких глубин добрался наш герой после пятой или шестой банки бим-колы: он увидел кальку неба над Лойташем, а потом опять вокруг него замелькала мюнхенская подземка, жёлтые пробоины в соседние тоннели... но это уже без нас, мы уже вышли и вошли, как полагается входить в воспоминания персонажа, соскочив со своей подножки в его прошлогодний снег.

Мы видим, что небо над Лойташем в тот день не всё время было пепельным и печальным, вот оно просветлело, а теперь вообще вышло солнце и одновременно по снегу стали разбегаться от Тиновицкого тёмные круги.

Наш герой остановился и наблюдает это странное явление, думая, что у него начались памороки.

Он получше присмотрелся к снегу и почти поверил, что это не внутри, а снаружи, то есть по равнине с тихим посвистыванием... Да нет, вовсе неслышно на самом деле – змеится позёмка, огибая белые холмики, вокруг которых создаются завихрения, а потом все вместе эти потоки создают паттерн быстро ускользящей за дальний горизонт гардины.

Но в точности он так и не понял, где вязалось это макраме – снаружи или внутри, потому что, открывая глаза, он, вроде как, ясно видел, что это стелется снежная пыль на пороше, только благодаря игре солнечного света и теней кажущаяся струйками угольного порошка, а когда ветер полностью стихает, узорный покров пропадает со снега.

Но всё-таки через раз это было видно и в безветрие – и мелкие кружева, и крупные концентрические круги... так что Тиновицкий так до конца и не понял, что это.

Дыхание его ещё не успело успокоиться, но он подумал, что больше стоять нельзя, он сильно отстал от остальных лыжников, и, сказав себе "будь что будет" (в смысле, что если мозг взорвётся, ну значит, такой у него фатум), Тиновицкий побежал, наконец, дальше, и круги этой фаты(-морганы?) побежали было за ним следом, но вскоре исчезли.

Ему потом рассказали, что есть такой вид морока – "альпийское ослепление", может быть, это оно и было, кто знает... Больше это не повторялось, Тиновицкий быстро скользил внутри восхитительной лесной сказки, вызванной, возможно, веществами, которые выделяются в кровь при беге.

То ли эндорфины, то ли естественные амфетамины, а может, аналог марихуаны, и это вот всё, что тут может сказать Википедия.

Тиновицкий-оффлайн в лесу просто вспомнил на бегу, что в Харькове людей, которые бегали, чтобы поймать кайф, называли лосями ещё сто лет тому, и вот, значит, таким лосем он себя впервые почувствовал, хотя и не уверен был, что за один раз можно добегаться до таких высот.

На обратном пути, так и не догнав друзей, он выдохся; эйфория улетучилась, более того, он понял, что без чего-то духоподъёмного он не может сдвинуться с места.

Вспомнил, что у него в кармане лежит МПЗ, распутал проводки, вставил наушники и услышал... "Пинк Флойд".

Ну да, не самую аэробическую музыку на свете, но оказалось, тем не менее, что она подходит для беговых лыж, действует как такая чудесная смазка, лыжи довольно быстро заскользили по снегу.

При этом Тиновицкий уже не двигал ногами, как лыжник, или там, как лось, нет... но лыжи, несмотря на это, несомненно двигались, и он плыл по снежному лесу, как будто на двух гондолах, мощно толкаясь от дна шестами!

Ну, т. е. палками, не попеременно, а синхронно, или, как на старой дрезине...

Ноги не слушались, но и не подгибались больше, и так довольно сильно согнутые в коленях, они как бы задеревенели, и вот он, значит, так скользил, как во сне.

Он уже проехал "Собак", и в наушниках были "Свиньи", когда он остановился, вынул наушники и услышал такой же лай, как был перед этим в "Собаках"... от чего у него стали опускаться уже и руки.

Он решил, что снова путает внешнее и внутреннее, и всё это – на ночь глядя... В этом месте запутаться в темноте было бы последним делом, он это понимал.

Примерно через минуту он понял и то, что это действительно снаружи, а не внутри, и что он уже не на бескрайней равнине, которая шла после леса, а вблизи от хутора, который в свою очередь не так уже далеко от посёлка, откуда они стартовали.

Да это настоящие, лойташские, брешут, – сказал Тиновицкий, – хотя подвывают, как флойдовские... да и твякают точно так же... брехуны-оборотни... видно, флюиды...

Вечерняя собачья переключка вовне происходила на той же громкости, что перед этим в наушниках, и всё это вместе... Что всё? Ну, это минутное единение микро- и макрокосмоса, видимо, как-то взбодрило Тиновичко: у него открылось т. н. второе дыхание или началась третья навигация, так что оставшиеся километры он проделал на такой скорости, которая если и не позволила бы ему сдать на разряд, то в его личном зачёте точно была рекордом.

Тиновичкий сдал лыжи и ботинки и прошагал в деревянный трактир, где его заждались друзья. Выпив с ними первую кружку пшеничного, он хотел было рассказать им про собак, но почувствовал, что это слишком витиевато и не соответствует настроению.

Да и вообще – о чём тут говорить... По сравнению с тем, что испытал лётчик гражданской авиации, – подумал Тиновичкий, – который увидел прямо по курсу гигантскую свинью на высоте 11 км, моя галлюцинация галлюцинации была микроскопической, как музыка, которую слышно в лесу, когда снимаешь наушники, не выключая плеер.

t8